

МИРЫ
ДЖЕЯ КРИСТОФФА

Нелюдь

ДЖЕЙ КРИСТОФФ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
К82

Jay Kristoff
NEVERNIGHT

Copyright © 2016 by Neverafter PTY LTD. All rights reserved.
Печатается с разрешения литературных агентств Adams Literary
и Andrew Nurnberg.

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Анастасии Харченко*

Кристофф, Джей.
К82 Неночь: [роман] / пер. с англ. Анастасии Харченко. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 608 с. — (Миры Джея Кристоффа).

ISBN 978-5-17-111528-9

В стране, где светят три солнца и ночь никогда не наступает, юная Мия Корвере приходит в школу ассасинов, чтобы стать убийцей и отомстить тем, кто уничтожил её семью.

Мия лишилась родных после того, как ее отец пытался поднять восстание и потерпел неудачу. Оставшись в одиночестве, без поддержки друзей, она пряталась в городе, построенном из костей мертвого бога. Ее преследовали Сенат и бывшие товарищи отца. Однако у девушки есть редкий дар и он открыл для нее двери в будущее, о котором она не могла и помыслить.

УДК 821.111-31 (94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-111528-9

Jacket design by Young Jin Lim
Jacket illustration by Jason Chan
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОБ АВТОРЕ

Джей Кристофф, австралийский писатель, один из соавторов нашумевшего научно-фантастического романа «Иллюминэ», снискал мировую славу произведениями в жанре фэнтези и фантастики. Книги Кристоффа не раз становились бестселлерами «The New York Times», номинировались на литературные премии и возглавляли читательские рейтинги. Его романы издаются многотысячными тиражами почти в трех десятках стран. В большинстве этих стран он никогда не бывал — факт, бесконечно изумляющий автора. А вот и другие факты, которыми Кристофф с удовольствием делится со своими читателями: он утверждает, что ростом два метра; ему осталось жить приблизительно тринадцать с лишним тысяч дней; он коротает свой век в Мельбурне, с женой (по совместительству секретным агентом, мастером кунг-фу и ассасином) и самым ленивым в мире джек расселом.

А еще он не верит в счастливые концы.

*Моим сестрам,
свету и тьме и всему прекрасному между ними*

Без света не увидишь тень,
Ночь всегда сменяет день,
Между черным и белым
Есть серый.

Древняя ашкахская мудрость

CAVEAT EMPTOR*

Люди часто обделяются, когда умирают.

Их мышцы ослабевают, души вырываются на свободу, ну а все остальное... просто выходит наружу. Несмотря на ярое пристрастие зрителей к смерти, драматурги редко об этом упоминают. Когда герой делает последний вдох в объятиях героини, никто не привлекает ваше внимание к пятну, расцветающему на его рейтузах, или к слезящимся от смрада глазам дамы, когда та наклоняется для прощального поцелуя.

О, мои дорогие друзья, я упоминаю об этом, чтобы предупредить — ваш рассказчик не обладает подобной сдержанностью. А если от суровых подробностей реального кровопролития вас выворачивает наизнанку, примите к сведению, что страницы в ваших руках повествуют о девушке, которая дирижирует убийством, как маэстро — оркестром. О девушке, которая разделалась с «долго и счастливо», как пила — с кожей.

Сама она уже мертва — слова, ради которых грешники и праведники отдали бы последнее, лишь бы их услышать. Республика пошла прахом. От ее руки рухнул на дно Город мостов и костей. Тем не менее, уверен, она все равно нашла

*В переводе с латыни «Качество на риск покупателя» (прим. пер.).

бы способ убить меня, если бы знала, что я вывел эти слова на бумаге. Вскрыла и оставила бы на съедение изголодавшейся Тьме. Но мне кажется, что кто-то должен хотя бы попытаться отделить ее образ от лжи, которую о ней сочиняют. Отделить через нее саму. Ею самой.

Кто-то, кто знал ее настоящую.

Некоторые называли ее Бледная Дочь. Или Царетворец. Или Ворона. Но в большинстве случаев не называли никак. Убийца убийцы, чей настоящий послужной список знаем только мы с богиней. Почитают или порочат ее имя в конечном итоге? После всех тех смертей? Признаться, я никогда не видел разницы. С другой стороны, я никогда не смотрел на жизнь так, как вы.

Всегда был не от мира сего.

Как и она, если уж говорить начистоту.

Наверное, за это я ее и любил.

Книга 1

КОГДА ВСЁ — КРОВЬ

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ РАЗЫ

Юноша был невероятно красивым.

Гладкая карамельная кожа; сладкая, как падевый мед, улыбка. Очаровательные непослушные черные кудри. Сильные руки и крепкие мышцы, а глаза — о, Дочери, его глаза... Глубиной в пять тысяч морских саженей. Даже утопая в них, было невозможно сдержать улыбку.

Его губы, теплые и мягкие, коснулись ее. Пара стояла в обнимку на Мосту Шепотов, горизонт заливался фиолетовым румянцем. Его руки гладили ее по спине, и кожу будто покалывало от разрядов тока. Легкое, как перышко, прикосновение языка вызвало у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Они отстранились друг от друга, как танцоры перед тем, как замолкнет музыка, но струны их тел продолжали вибрировать. Она открыла глаза в надежде встретить в тусклом свете его взгляд. Под ними рокотали воды канала, бесстрастным потоком ускользая в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Надеюсь, что не утонет.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела узнать. Хоть этим девушка могла себя потешить.

— Ты уверена? — спросил юноша.

Она взглянула ему в глаза. И прошептала:

— Уверена.

Мужчина был невероятно противным. Пигментные пятна на коже, как при туберозном склерозе, щетинистый подбородок, затерявшийся в жировых складках. Блеск слюны на губах, поцелуй виски, расцветающий на щеках и носу, а глаза — о, Дочери, его глаза... Голубые, как опаленное солнцами небо. Мерцающие, как звезды в ясную истинотьму.

Он прильнул к кружке, допивая остатки под громкую музыку и смех окружающих. Еще с пару минут покачался посреди таверны, затем кинул монету на барную стойку из железного дерева и поплелся наружу. Его взгляд, помутневший от выпитого, блуждал по булыжной мостовой. Улицы наполнялись людьми, но он шел напролом, стремясь поскорее добраться до дома, чтобы уснуть без сновидений. Мужчина не поднимал головы. И не заметил силуэт, оседлавший на противоположной крыше каменную горгулью в мраморно-белом и гранитно-сером одеянии.

Девушка наблюдала, как он ковыляет по Мосту Братьев. Приподняла маску арлекина, чтобы затянуться сигариллой, и пряный дым за клубился в воздухе. Улыбка, обнажившая гнилые зубы, и грубые, как бечевка, руки мужчины вызвали у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела, чтобы он узнал. Хоть этим девушка могла его потешить.

Рядом на крыше сидела тень, принявшая форму кота. Плоская, как бумага, полупрозрачная и черная, как смерть. Его хвост слишком по-хозяйски обвился вокруг лодыжки девушки. По жилам города текли прохладные воды и впадали в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Снова надеясь, что не утонет.

— ...Ты уверена?.. — спросила тень-кот.
Она смотрела, как ее цель плетется, мечтая о постели.
Медленно кивнула.
И прошептала:
— Уверена.

Маленькая, скудно обставленная комната, большее ей не по карману. Но девушка украсила розовыми свечами и водяными лилиями чистую белую простынь — уголки которой, словно в знак приглашения, были загнуты, — и юноша улыбнулся, глядя на всю эту сахарную, сладостную обстановку.

Подойдя к окну, она посмотрела на старый величественный город — Годсгрейв*. На белый мрамор, охристый кирпич и изящные шпили, целующие опаленное небо. Ребра на севере поднимались на сотни футов к румяному небесному своду; крошечные окна зияли в домах, высеченных из древней кости. Из впадины Хребта бежали каналы, их узоры обвивали городскую плоть, как паутины обезумевших пауков. Поперек людных тротуаров раскинулись длинные тени от тускнеющего света второго солнца — первое давно уже скрылось из виду, — оставляя третьего угрюмого красного брата стоять на страже и следить за всеми опасностями неночи.

Ах, если бы только сейчас была истинотьма.

Тогда бы он ее не видел.

Девушка не хотела, чтобы он наблюдал за ней во время процесса.

Юноша бесшумно подошел к ней сзади, обдав запахом пота и табака. Скользнул руками по талии и изгибам бедер, рисуя кончиками пальцев то ледяные, то пламенные дорожки. Ее дыхание участилось, и где-то глубоко она ощутила нарастающее покалывание. Ресницы затрепетали, как крылья бабочки, пока его руки ласкали живот, танцевали по

* В переводе с английского «могила богов» (прим. пер.).